

CRIME & PRIVATE

анна
Данцлова

ПРИЗНАНИЯ ГРЕШНИЦЫ

Никто не хотел убивать...

Анна Васильевна Данилова

Признания грешницы

Серия «Crime & private»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8367775

Признания грешницы: роман / Анна Данилова: Эксмо; Москва; 2014

ISBN 978-5-04-181109-9

Аннотация

Такому клиенту Елизавета Травина отказать никак не могла. Дина Робертовна – лучшая подруга мамы Лизы прибежала к успешному адвокату в слезах. Ее сын Лева оказался за решеткой, а его жена Гера бесследно пропала. Гера всегда отличалась скромностью и благоразумием, это совсем не похоже на нее – оставить любимых дочек свекрови, а самой сбежать в неизвестном направлении. Дина Робертовна уверена, что Гера не могла скрыться с любовником – она безумно любит супруга, и никогда по своей воле не бросит его. Но куда, а главное, почему девушка уехала? И не связано ли поспешное бегство Геры с убийством Вадима Рыбина, в котором обвиняют его делового партнера Леву?..

Содержание

1	5
2	18
3	26
4	38
5	49
6	57
7	80
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Анна Васильевна Данилова

Признания грешницы

© Дубчак А.В., 2014

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

1

– Лиза, дорогая! Не думала, что встречу с тобой по такому грустному поводу!

Дина Робертовна Северова, подруга Лизиной мамы, всегда строгая и подтянутая, на этот раз выглядела как-то странно, словно внезапно повзрослевший ребенок.

Она не пришла, а буквально ворвалась в Лизину адвокатскую контору, и не в элегантном платье и туфлях на шпильках, какой ее привыкла видеть Лиза, а в широких полотняных штанах, полосатой розово-серой тенниске с длинными рукавами, и в белоснежных кроссовках! Вместо аккуратной прически на голове – воронье гнездо из светлых растрепанных волос. Глаза горят безумием, в них ничего, кроме паники.

Лиза всегда была рада помочь своим знакомым, больше того, для нее было делом чести проявить себя перед ними, доказать, что слава отличного адвоката, которая закрепилась за ней, имеет под собой реальное основание. Однако работа на своих близких друзей или родственников имела и свои минусы: чувствуя возложенную на нее ответственность, Лиза от напряжения и великого желания помочь иногда терялась и, прорабатывая огромное количество версий, действовала в ложном направлении. Об этой ее особенности хорошо знала ее помощница и подруга Глафира Кифер и изо всех

сил старалась помочь, открыть Лизе глаза на очевидные, но не замечаемые ею факты.

Мама Лизы, Евгения Александровна, которую Дина Робертовна звала просто Жекой, после развода с ее отцом вышла замуж и переехала жить в Сочи. Тетя Дина, как называла ее Лиза, очень скучала без своей лучшей подруги и всякий раз, когда была возможность, ездила к ней. Две зрелые, прекрасные женщины, которых язык не поворачивался назвать пенсионерками, проводили время в долгих приятных прогулках по зеленым тенистым аллеям курортного города. Они пили домашнее вино, обедали жареной форелью в приморских ресторанчиках, покупали местные овощи и фрукты, а вечерами, устроившись с комфортом на террасе какого-нибудь пансионата, наслаждались жизнью, вечерним морским воздухом, закатом... Такими, во всяком случае, представляла себе Лиза их сочинские встречи.

После смерти мужа, которую тетя Дина очень тяжело пережила, смыслом ее жизни стал единственный сын Лева – счастливый муж красивой Геры и отец двух маленьких дочек, Кати и Анюты.

– Тетя Дина, что-нибудь с Левой? – спросила Лиза первое, что пришло в голову, усаживая взволнованную гостью в кресло и подавая ей стакан с водой. – На вас лица нет!

– Не знаю, ничего не знаю...

Слышно было, как постукивают ее зубы о край стакана.

– Гера... Она пропала, – наконец выдала она то важное, ради чего и пришла.

– Как пропала? Когда? При каких обстоятельствах?

В эту минуту дверь приемной открылась, и быстрой походкой вошла Глафира. Пышная рыжеволосая молодая женщина в развевающемся цветастом платье и в туфлях на шпильках.

– Здравствуйте! – Глафира улыбнулась Лизе и Дине Робертовне. – Какой прекрасный солнечный день!

И в тот же миг, обратив внимание на заплаканные глаза посетительницы и оценив ситуацию, извиняюще пожала плечами и устроилась тихонько за своим рабочим столом.

– Тетя Дина, познакомьтесь, пожалуйста, это моя помощница, Глафира. При ней вы можете свободно говорить.

– Да, очень приятно... – судорожно вздохнула Дина Робертовна. – У меня беда! Понимаете, Лева с семьей живет отдельно.

Она обращалась уже к Глафире, вероятно, желая ввести ее в курс.

– Лева – это мой сын, ему тридцать лет. Его жена, Гера, мы все ее сильно любим. Она родила нам прекрасных девочек – Катюшу и Анечку. А сейчас мы ждем третьего ребенка, пока еще, правда, неизвестно, кто будет, мальчик или девочка, срок слишком маленький. Словом, замечательная крепкая семья. Лева безумно любит свою жену. А Герочка – моего Леву. У моего сына большая фирма, они производят мине-

ральные удобрения. В прошлом году открыли два дочерних предприятия – в Башкирии и Новгороде... Это я к тому, что мы ни в чем не нуждались. Вы не удивляйтесь, что я говорю – мы. Хотя мы живем раздельно, у нас все равно одна семья. Я имею в виду, у нас никогда не было никаких конфликтов, ну, знаете, как это иногда бывает между свекровью и снохой... Но она все равно ушла!

Лиза слушала ее не перебивая. Она знала, что Глафира уже давно включила диктофон и записывает разговор. Сейчас Дина говорит сплошным потоком, считая, что эта информация и есть самая важная. Что в ней-то как раз и сосредоточено все то главное, что связано с причиной ее визита. Потом, когда Лиза станет задавать ей вопросы, какие-то детали могут быть забыты. Поэтому ведется запись именно первого монолога, рассказа.

– Я никогда не вмешиваюсь в их дела, разве что помогу, если попросят, с внучками, погуляю, сходим с ними в торговый центр, кукольный театр... Словом, все, как обычно, я же обыкновенная, нормальная бабушка. Не вмешиваюсь... Поймите, что-то мысль моя улетела... Ах да! Да и чего бы я стала вмешиваться, когда у них все было хорошо?! Знаете, в некоторых семьях бывают конфликты, скандалы, ссоры... У нас ничего такого не было. Никогда. Лева мой – верный муж. Верный и очень ответственный. Он ради своей семьи, ради девочек и Геры сделает все! У Геры, как я считала, тоже ни-

кого нет на стороне, она же всегда дома, с детьми... Конечно, она очень красивая. Ты же знаешь ее, Лиза. И Лева где-то в глубине души ревнует ее ко всем абсолютно, но нервы ей никогда не трепал. Говорю же – примерная, счастливая семья!!! Но она все равно ушла! Ушла!

Пришла пора вмешаться в разговор.

– Тетя Дина...

– Лиза, прошу тебя, зови меня просто – Дина. И без этого «Робертовна»! Может, в качестве мужского имени это и звучит благозвучно – Роберт, но как отчество... Господи, и чего я несу!!!

– Дина, скажите, что произошло? По порядку. С самого утра. Или когда там все это случилось?

– Утром. Герочка пришла, вернее, приехала на своей машине в девять часов, с девочками. Они зашли, я сказала, чтобы проходили, сейчас вместе позавтракаем. Гера стала их переобувать в домашние тапочки... Лица я ее не видела, вот понимаете, не видела! Она же наклонилась, чтобы переобуть Анечку... И в прихожей тоже ничего не было, я имею в виду все, как обычно... Потом Гера крикнула мне, а я уже была в кухне, поставила чайник! Она крикнула мне, что забыла в машине кофточку какую-то... И когда я вернулась в прихожую, девочки были уже одни, без нее. А рядом стояла сумка с их вещами. Не пакет какой-нибудь с кофточками и кол-

готками или трусиками, ну, как обычно, когда она оставляла мне девочек на выходной или на вечер... А большая дорожная сумка. Ни записки, ничего... Я выбежала в подъезд, окликнула ее, но лифт уже уехал. Я выглянула в окно, дождалась, когда она выйдет из подъезда, и увидела ее! Она бегом бежала к своей машине. Потом села и уехала! Вот и все! И больше я ее сегодня не видела. Она и телефон отключила...

– В машине кто-нибудь был? Вы не заметили?

– Нет. Не было. У меня отличное зрение. И она очень спешила... Чуть в угол дома не врезалась, так разворачивалась...

– Спешила куда-то... Ну, хорошо. Это я поняла. А что Лева? Он ищет ее?

– Да и Левы нет! Его телефон не отвечает. И тоже с самого утра.

– Так, может, они вместе куда-то срочно уехали, просто вас не предупредили?

– Лиза, дорогая, ты что, не знаешь моего Левушку? Да он мне по сто раз на день звонил, и я практически всегда знала, где он. Лева, он не такой... Думаю, что и с ним тоже что-то случилось.

– Значит, и он тоже пропал. Тетя Дина... Дина... Может, не стоит так уж отчаиваться и паниковать? Ведь прошло всего несколько часов... Мало ли что могло произойти?

– Лиза, а ты сама-то веришь в то, о чем говоришь? Гера пропала, Лева не отвечает на звонки... Я сердцем чувствую,

что случилась какая-то беда.

– Вы в больницах его не пробовали искать?

– Искала! Обзвонила все больницы!

– Он дома ночевал?

– Думаю, что да. Во всяком случае, мне об этом ничего не известно. Говорю же: что-то случилось... Они пропали. Оба! Сумка тщательно собрана, понимаешь? То есть Гера не просто покидала туда все, что под руку попало, а положила все необходимое, даже денег оставила прилично... Словно у меня денег нет... Господи, ну просто ума не приложу, что случилось! Их надо искать. У тебя есть связи в полиции, прокуратуре, может, там что известно? Гера была на машине, но она могла ее где-нибудь оставить, сесть, предположим, на самолет, в поезд, я не знаю, автобус... Это я к тому, что надо бы проверить списки пассажиров...

– Где живут Герины родители? Вернее, мама? Отец ее умер, кажется, в прошлом году?

– Да-да. Все верно. Они же родом из Маркса, ты знаешь, это в семидесяти километрах от Саратова. Так вот, мама ее, Татьяна Ивановна, не смогла жить в Марксе, где ей все напоминало о муже, и она переехала жить в Балаково, там купила небольшую квартирку, Лева ей помог с деньгами... Гера часто звонила маме, они общались по скайпу, и мне не стоило труда выйти с ней на связь...

– Выходит, вы были в квартире Левы?

– Да, конечно! Я только что оттуда. Все на своих местах,

всюду порядок, не видно, чтобы люди куда-то собирались, знаете, как это бывает... Все вещи на месте, цветы политы, даже еда приготовлена – суп еще теплый на плите, на сковороде – котлеты... Холодильник набит продуктами...

– Пойдите. Давайте по порядку. Говорите, Гера приготовила обед. Но для кого, если она детей отвезла вам?

– В том-то и дело, что ничего не понятно! Хотя, если она детей собиралась отправить мне, значит, обед предназначался Леве. Но и он исчез...

– Хорошо, что со скайпом? Вы говорите, что связались с мамой Геры?

– Да, я без проблем включила компьютер Геры, скайп открылся автоматически, даже пароль не потребовался... Я нашла Татьяну Ивановну и позвонила ей, видеозвонок... Я не собиралась ее пугать, потому что понимаю, все в жизни бывает, и я действительно паникерша... Поэтому я просто позвонила, спросила, как у нее дела, как здоровье, придумала, будто бы мне приснился нехороший сон, ну и все такое... Я подумала, если Гера там, или ее мать знает, где Гера, то эта информация как-то всплывет, понимаете? Или же я увижу по выражению лица Татьяны, какая она, взволнованная или спокойная... Так вот. Я разбудила ее. Она была сонная, но все равно улыбалась, увидев меня на экране. Сказала, что у нее все в порядке... Про Геру ничего не спрашивала, из чего я поняла, что они действительно часто общаются, она все про нее знает, а потому новости просто не успели накопить-

ся... Мы разговаривали очень недолго, в основном о внуках. Но я успела сделать вывод, что Татьяна не в курсе, куда могла исчезнуть Гера.

– Прошло слишком мало времени, может, Гера как раз на пути к Балаково, – сказала Лиза и тотчас опровергла сказанное: – Хотя какой ей смысл туда ехать? Если, предположим, она решила ото всех спрятаться, она знает, что Балаково – это первое место, где ее будут искать. Тетя Дина, может, у нее кто-то есть? – спросила Лиза осторожно, чувствуя, что этим вопросом она причиняет ей боль. – Я имею в виду мужчину?

– Но если не верить Гере, то тогда кому? – расплакалась Дина. – Гера – кристальной чистоты человек! Нет, нет и еще раз нет!!!

– Хорошо. Я все поняла. Нам нужна вся информация по Лева и Гере: номера телефонов, электронная почта, фотографии... Телефоны близких друзей, знакомых...

– Да, я все приготовила. Но максимум информации, я думаю, вы сможете получить все же из компьютеров. Гера общалась через «Одноклассников» с подругами, друзьями, родственниками, это я точно знаю. Дома есть два компьютера – Геры и Левы, в спальне и кабинете. И у каждого еще ноутбук, конечно. Так вот, Гера забрала свой ноутбук. Дома его нет. Ну и Лева соответственно тоже со своим не расстанется, он его повсюду с собой носит.

– Дина Робертовна, пожалуйста, постарайтесь успокоиться. Поезжайте домой, к внукам... Кстати, с кем они сейчас?

– С соседкой, подружкой, я хотела сказать...

– Вот и отлично. А я со своей стороны постараюсь что-нибудь выяснить о ваших детях. Уверена, что вы напрасно так паникуете. Многие обстоятельства указывают на то, что Геру, во-первых, не похитили, а это уже хорошо. Она жива и здорова. Другое дело – куда она так спешила и почему оставила детей...

– Хорошо, спасибо тебе, Лиза. – Дина поднялась, и страдальческое ее лицо стало совсем бледным. – Не знаю, позвонить твоей матери или нет... Может, я действительно рано забила тревогу?! Жека очень любит моего Леву, ты же знаешь, она вообще хотела поженить вас с ним, и мы бы породнились... Боже, как же давно все это было!

– Не надо ей пока звонить. Вот когда все выяснится, тогда... Вы можете оставить мне ключи от Левиной квартиры, в случае если семья до вечера не вернется и мне придется начать собственное расследование?

– Да-да, безусловно! Вот, держи!

Лиза проводила Дину до двери, они обнялись.

– Я все для вас сделаю, тетя Дина.

После ее ухода Лиза некоторое время сидела молча за своим столом и что-то черкала на бумаге. Глафира тоже задумалась, потом сказала:

– Знаешь, что я думаю по этому поводу?

– Знаю. Что дело серьезное.

– Точно! Хотя я и не знакома с этой семьей, но сразу поняла, что отношения между всеми ее членами теплые, полные любви и доверия. К тому же в семье маленькие дети. Сколько девочкам?

– Анечке четыре годика, Кате – три.

– Трудно представить себе ситуацию, при которой хорошая мать подбросила бы свекрови детей, а сама без объяснения сбежала. Ведь это форменный побег! Причем тщательно спланированный. И обед Гера приготовила... Кстати, какое странное имя!

– Ты еще не видела ее, какая она красавица!!!

– Так вот, и обед Гера приготовила сегодня рано утром именно для мужа. Одной рукой готовила, другой – собирала сумку с вещами для детей. Может, она заболела и решила не обременять семью проблемой?

– Гера не такая. Она вполне нормальная, адекватная, она не стала бы так поступать, если бы у нее, скажем, обнаружили онкологию. Она бы боролась, и Лева бы ей в этом помогал. Лучшие клиники были в ее распоряжении – семья небедная.

– Да уж, ситуация... Получается, что у нее завелся любовник?

– Все указывает именно на это. Причем любовник, из-за которого она просто потеряла голову! У нее от этой любви мозг перестал работать. Напрочь. – Лиза улыбнулась. – Глафира, ты действительно веришь, что такое чувство суще-

ствуется?

– Да, верю. Это как болезнь. Женщина отказывается от своей прежней жизни, от мужа и даже от детей, чтобы броситься в этот океан чувств. Звучит, конечно, пошло, тем более что это, как правило, не океан, а омут. Опасный, смертельный и очень мутный, как и само чувство. И знаешь, почему? Потому что Гера могла влюбиться, а вот мужчина, ради которого она совершила этот поступок, подкинув детей свекрови, не факт, что любит ее так же сильно. Отсюда и опасность.

– Итак. Онкология. Любовь как болезнь. Какие еще версии?

– Если бы она сбежала с детьми, то я бы предположила, что семье кто-то угрожает и что Гера сбежала с ведома мужа, даже с его помощью. Может, Леву заказали, ну, или его семью, и он, узнав об этом, сказал Гере, чтобы она бежала. Но это, повторяю, если бы она бежала с детьми, да и Дина Робертовна была бы в курсе. Вот тогда можно было бы покопаться в профессиональной деятельности Левы или в его прошлом. Страх, корысть, зависть, ревность, месть... Но почему она сбежала одна?

– Вот это и есть самый главный вопрос. Надеюсь, нам удастся поговорить с Левой, и тогда многое прояснится. А вдруг они жили плохо, а его мать ничего об этом не знала? Или же у него самого, у Левы, появился кто-то на стороне. Отсюда и выключенный телефон. Многие мужчины, отправ-

ляясь на свидание, выключают свои мобильники. Это классика. Вот вернется он на работу и сразу включит.

– Хорошо. Подождем до вечера, и если за целый день ничего не изменится, начнем действовать.

– Знаешь, я все-таки на всякий случай позвоню Мирошкину, попрошу его выяснить, нет ли чего на Леву. А ты, Глаша, свари нам кофейку.

Маркс. Маленький, утопающий в зелени садов город на берегу Волги. Гера знала его как свои пять пальцев. Город немцев Поволжья, бывший Баронск или Марксштадт, с величественной католической церковью, превращенной в клуб, с улицами, названными в честь великих немцев — Маркса, Энгельса, Бебеля... Несмотря на то что город совсем маленький, в нем великое множество учебных заведений, в числе которых музыкальное училище (сейчас это училище искусств), медицинское, множество разных технических учебных заведений, школ и даже филиалы институтов.

Гера же нигде не училась. Сразу после школы она вышла замуж за человека, которого любила больше всего на свете, — Леву Северова. Он приехал в Маркс молодым специалистом, занимался мелиорацией, потом открыл свой собственный склад минеральных удобрений, завязал нужные знакомства, вышел на мэра города, подружился с ним, ходил с ним на охоту, и тот помог ему с крупным кредитом, который и был вложен в производство этих самых минеральных удобрений... Молодой, тихий и очень скромный Лева, блондин с голубыми глазами и нежной улыбкой, как-то раз появился в доме Геры в компании мужчин-охотников, которые заехали за ее отцом, тоже заядлым охотником. Совершенно неожиданно пошел дождь, и вся компания осталась переждать его

на веранде их дома. Гера, тогда еще десятиклассница, приготовила для гостей чай. Мама была на работе, и она, замещая хозяйку, напекла лепешек, достала из кладовки варенье.

Двадцатипятилетний Лева не сводил с нее своих голубых глаз все то время, что шел дождь. И она поглядывала на него, даже не замечая направленных на нее многочисленных мужских взглядов, не подозревая о своей красоте, не зная о ней. Тонкие черные брови, большие темные глаза, сверкающие, как драгоценные камни, черные кудри, прелестная подростковая худоба с намечающимися выпуклостями.

Они начали встречаться, прогуливались по густому лесу неподалеку от нефтебазы, кормили с рук лосей, ловили рыбу в прудах, ездили на велосипедах на Графское озеро, где целовались, давали друг другу клятвы и обещания в преданности и верности. А в разгар лета Лева приехал в Маркс со своей мамой – просить руки Геры. Мама, хоть и ожидала подобного, не могла не напомнить Леве о том, что Гере надо учиться, что замуж вроде бы рановато, на что Лева ответил ей, что замужество – не тюрьма, что жизнь на этом не останавливается, что она сможет спокойно поступать в университет, куда она планировала, и что он сделает все, чтобы помочь ей получить образование. Старше ее на целых восемь лет, он производил впечатление очень надежного и ответственного человека, родители с легким сердцем благословили дочку и отдали замуж. Свадьбу устроил Лева, самостоятельно, своими средствами, арендовал прогулочный катер, который украси-

ли цветами и шарами, пригласил нужных людей, друзей, родственников. А после свадьбы Лева увез молодую жену к себе в город, в однокомнатную новенькую квартирку неподалеку от городского парка, которую вскоре продали, купив трехкомнатную, на Набережной. К тому времени уже родилась Анечка... Потом Катюша. Гера любила, была любима, они слевой растили девочек и были счастливы. В прошлом году купили большой загородный дом, куда собирались перебраться всей семьей, забрав к себе Левину маму, Дину Робертовну.

И вот теперь она налегке, с маленьким рюкзачком за плечами, в потрепанных джинсах и легкой курточке, как школьница, идет по Марксу, как если бы в ее жизни ничего этого и не было: ни Левы, ни семьи, ни девочек. Только она сама в своем черном одиночестве, заблудившаяся в зловещих тенях прошлого, как самка, спрятавшая своих детенышей перед большой битвой.

Очки на пол-лица, чтобы ее никто не узнал. Густые черные кудри скрывают остальную часть лица, и ветер играет ими, словно радуясь ее возвращению. Ветер теплый, весенний, родной, и город пахнет детством, слегка подгоревшей молочной кашей, жареными карасями и анисовым сиропом от кашля. Здесь почти в каждом доме ей были бы рады: знакомые, дальние родственники, одноклассники, соседи, учителя...

Да только ей не нужно, чтобы ее узнали. Важно не попасться никому на глаза. Прошло пять лет, у всех своя жизнь, и вряд ли даже самая близкая подруга узнает в этой неприметной, растрепанной молодой особе с рюкзачком ту самую красавицу Геру, вышедшую замуж за Леву Северова, завидного жениха, красивого голубоглазого парня с мозгами и деньгами.

Хорошо еще, что мама перебралась в Балаково, а то бы ноги сами привели Геру домой, в родительскую квартиру, под мамино теплое крыло. Мама, мамочка... Уже очень скоро ей, конечно, позвонят, сообщат, что любимая дочка исчезла, бросив своих деток. Но Бог даст, она скоро вернется. Вот только сделает то, что задумала, и сразу же обратно!

У пивной она увидела пьяницу с разбитым лицом, грязного, с сальными волосами и ужасно вонючего. От одного вида ее затошнило, однако, преодолевая себя, Гера подошла к нему, пытающемуся кому-то позвонить и при этом матерящемуся, и попросила телефон. Он и не понял, что произошло, когда она вырвала мобильник из его руки, сунула в карман его рубашки стодолларовую купюру и быстрым шагом бросилась прочь. Вот теперь, с чужой сим-картой, ее точно не вычислят. Даже если Лева подключит все свои полицейские и прокурорские связи среди бывших одноклассников. С помощью несложной театральной постановки в салоне связи, в результате которой ей удалось выяснить номер

украденного телефона и положить на него деньги, она оказалась хозяйкой безопасного средства связи, которое открывало ей возможность беспрепятственно общаться с нужными людьми все то время, что она сочтет необходимым. Купив в этом же салоне приличный телефон и вставив туда волшебную симку, она безжалостно выбросила грязненький аппарат жертвы-пьяницы, зашла в первое попавшееся кафе с непритязательным названием «Чайка», где в туалете тщательно вымыла руки, и только потом, устроившись за столиком у окна, заказала чашку кофе с молоком и булочку.

Кафе было пустым, за окном расстился под майским солнцем знакомый ей до боли зеленый бульвар, проходившие мимо окна люди вызвали в ней ностальгические переживания: а вдруг среди них были те, которых она знала раньше и которых любила?

Расплатившись с молоденькой официанткой, лицо которой ей тоже показалось знакомым, она, не снимая очков и продолжая скрывать свое лицо, вышла из кафе и отправилась только ей известным маршрутом на тихую улицу Карла Либкнехта. Увидев знакомый дом, рядом с которым она прожила все свои детство и юность, она остановилась перед высокими деревянными воротами в нерешительности.

Его фамилия была Захаров. Семья – Захаровы. Соседи Геры. Девичья фамилия Геры была Мышкина. Мышкины и Захаровы – самые лучшие соседи в мире. За долгие годы соседства они стали почти родными. И даже когда их единствен-

ный сын, которого все звали Захар (хотя его настоящее имя было Вениамин), исчез, а потом выяснилось, что он бандит и сидит в тюрьме за двойное убийство, Мышкины не отвернулись от Захаровых, во всем поддерживали. Все закончилось после смерти Гериного отца и отъезда мамы в Балаково. Связи были прерваны, потеряны. Гера была уверена, что мама, спасаясь от болезненных воспоминаний, связанных с отцом, прекратила общаться и с тетей Надей, матерью Захара, который к этому времени уже давно вернулся из колонии, внезапно разбогател и даже открыл свой ресторан.

Скорее всего Захар уже купил себе новый дом или квартиру, и здесь теперь живут лишь его родители, но адрес-то они ей наверняка скажут. Вот только как взять с них слово, что они никому, ни единой душе не расскажут о том, что она приходила?

А может, сразу отправиться в его ресторан? Говорили, что он построил заведение на самой окраине города, возле мельницы, прямо на берегу Волги.

Она подошла еще ближе к воротам, заглянула в щели и увидела во дворе большой черный джип. Слабая надежда, что Захар сейчас здесь, придала ей силы. Она открыла калитку, металлическая ручка которой была отполирована до блеска многочисленными прикосновениями, поглаживаниями, надавливаниями теплых хозяйских и соседских рук, и вошла во двор. Сердце колотилось громко, стучало в груди, словно просясь наружу. Гера поднялась по ступенькам на вы-

сокое крыльцо, отмечая про себя, что дом подремонтирован, сверкает новенькими пластиковыми окнами, и постучала в дверь. Затем еще раз, и еще...

Потом она распахнулась, и Гера увидела перед собой человека, очень отдаленно напоминающего ей соседского мальчишку. Высокий крепкий мужчина с коротко постриженными посеребренными волосами, в джинсах и клетчатой рубашке.

– От тебя рыбой копченой пахнет, – сказала она, чувствуя, как слезы подкатывают к горлу. С чего бы это?

– Герка, твою ж мать!!! – Захар сгреб ее в объятия и прижал к себе. – Думал, уж никогда больше не свидимся! Вот черт, как же я рад! Дай-ка посмотрю на тебя, красавицу нашу!

И он, отстранив ее от себя, уставился в лицо, пытаясь увидеть в нем знакомые черты. С нежностью, осторожно снял с нее очки.

– Глазищи-то, глазищи!!! Да ты стала еще красивее! Проходи! Господи, ну как же я рад!!!

Он утащил ее за собой в кухню, где Гера и обнаружила источник сильнейшего запаха: на большом блюде, выпачканном сажей и желтым маслом, были разложены куски копченого леща.

– Отец сварганил на своей коптильне, ну, а меня долго

уговаривать не приходится, сама знаешь... Сколько мы с тобой этой рыбки в свое время съели, а, Герыч? Давай, присоединяйся и расскажи, как поживаешь, как твои дела? Слышал, ты мама двух дочек? А по виду и не скажешь, как была девчонка, так и осталась...

Она рада была, что он узнал ее и снова как бы принял в свой мир. Если вообще выпускал из него. Возможно, она навсегда осталась в его жизни близким человеком, родней. Девочкой, с которой они вместе ходили на рыбалку, кормили лосей возле Нефтебазы, курили, дурачась, крепкие гаванские сигары, разрезанные напополам, купались до одури в Волге, мастерили воздушных змеев, пекли картошку в сиреневых посадках за городом, воровали яблоки у бабы Зины в саду, похищали с почты пачки телеграммных бланков и шариковые ручки, лакомились дешевыми яблочными пирожками в заводской столовой, жарили сало, нанизанное на прутики, на костре в зимнем заснеженном голубом лесу...

Захар внимательно взглянул на нее:

– Герыч, что случилось?

– Захар... – глаза ее моментально наполнились слезами. –

Захар... У меня мало времени. Мне нужен «ствол».

– Vito, tengo que salir de urgencia. En Rusia! Amaranta alimentamos y lo ponemos a la cama. Carmen te preparan la cena. Me no te preocupes, yo te llamo... Qué? Sí, algo pasó, me enfermé... Todo tía, querida, no puedo decir nada más, está esperando un taxi, me precipito hacia el aeropuerto...¹

Наташа, белокожая, с русыми длинными волосами и серыми глазами молодая женщина в джинсах и красной майке, закрыла телефон и оглянулась на стоящую в двух шагах от нее освещенную солнцем няню. Кармен была невысокой, коренастой, смуглой, с черными, затянутыми туго на затылке волосами и черными блестящими умными глазами, чуть старше сорока лет.

– Tengo un problema, Carmen, muy bien. Usted, como una mujer que me entiende. Cuida de mis más queridos – su marido y su hija. Voy a volver y luego, tal vez, lo contaré todo. Ahora necesito que darse prisa...²

¹ Вито, мне надо уехать, срочно. В Россию! Амаранту мы покормили и уложили спать. Кармен приготовит тебе ужин. Обо мне не переживай, я тебе позвоню... Что? Да, кое-что случилось, у меня заболела тетя... Все, дорогой, я не могу больше говорить, такси уже ждет, я мчусь в аэропорт... (исп.)

² У меня проблемы, Кармен, большие. Ты, как женщина, должна меня понять. Присмотри за самыми моими дорогими людьми – мужем и дочкой. Я вернусь и тогда, быть может, все тебе расскажу. А сейчас мне нужно спешить...

Никогда она еще не разговаривала подобным образом с мужем. Ничего не объяснив, просто поставила перед фактом, что, мол, улетает в Россию. Все. Конечно, он ей это простит, во всяком случае, постарается ее понять. Но, с другой стороны, он, конечно же, не заслуживает подобного к себе отношения. Больше того, он будет переживать и в глубине души обидится на нее. К тому же никто не знает, как долго она будет отсутствовать. Что, что будет дальше? И правильно ли она делает, что летит в Россию?

Она так волновалась, что пришла в себя уже в такси, которое мчало ее через весь город в аэропорт. Барселона плавилась под жарким солнцем, и первый раз за все пять лет, что Наташа здесь жила, выйдя замуж за Вито Морено (обаятельного испанского туриста и одновременно – владельца сети рыбных ресторанов), этот город показался ей чужим, хотя и еще более прекрасным и недосягаемым, как сама мечта: она очень боялась, что не увидит его больше никогда.

По сути, она садилась в самолет именно для того, чтобы сохранить все то, чем жила последние годы: любовь, маленькую Амаранту, благополучие – словом, все то, что люди называют счастьем и радостью.

Сытая и спокойная жизнь не изменила Наташу. Ее преданность самой близкой подруге была искренней, ее беды и проблемы она всегда воспринимала как свои. Вчерашний

звонок Геры, ее взволнованная речь, слезы, все это прошло сквозь сердце Наташи, оставив жгучий след.

– Ната, это я... – услышала она его голос, когда они с Вито обедали на террасе, за перилами которой плавилась в солнечной дымке раскинувшаяся ярким ковром Барселона. Теплый ветер трепал белую скатерть, солнце прогрело лежащие на блюде лимоны, заставив их еще сильнее благоухать. Вито с аппетитом поедал мидии, запивая их белым вином. Наташа с Амарантой на коленях ела сочную грушу. Девочка была уже сытая – Кармен накормила ее – и сонная, ее кудрявая головка лежала на плече Наташи. И вдруг этот звонок и высветившееся на дисплее имя «Гера». Первое чувство – радость. Она всегда радовалась звонкам подруги. Они весело щебетали, рассказывая друг другу о своей жизни, говорили преимущественно о детях, материнство в обеих было ключом, и всегда было полно веселых, милых новостей.

– Ната, это я, – услышала она тревогу в голосе, и внутреннее чувство подсказало Наташе, что у Геры что-то случилось.

– Извини, Вито, – улыбнулась Наташа мужу, выходя из-за стола с дочкой на руках. Подошедшая тихо Кармен беззвучно приняла девочку и унесла в детскую.

Наташа забила в самый угол дома, в кладовку, и, лишь оказавшись среди полок с компотами и консервированным горошком, поняла, что давно уже подсознательно ждала этого звонка и все равно оказалась к нему не готова.

– Сейчас ты можешь говорить? – спросила Гера сквозь слезы. Гера плакала, и Наташа почувствовала, как заныло ее сердце.

– Да, могу. Но я на всякий случай спряталась в кладовке, меня никто не услышит.

Гера говорила быстро, словно боясь, что ее могут застать за этим разговором. Ее рассказ потряс Наташу.

– Все дело в моем имени, ты знаешь, оно редкое... Да и внешне я тоже не изменилась. Это как раз тот редкий случай, когда мне бы хотелось, чтобы я растолстела, подурнела, чтобы у меня выпали волосы и зубы, только чтобы меня не узнали!!!

– Гера, не говори глупостей. Возьми себя в руки. Мы вместе с тобой что-нибудь придумаем.

– Вместе? Но как – вместе, если ты в Испании, а я в России? Я не смогу одна, просто не смогу... А, кроме тебя, кому я могу еще довериться?

– Ты хочешь, чтобы я приехала?

– А как иначе? Ведь если я буду первая, то ты – вторая. Будет разрушена и моя, и твоя жизнь. У меня есть план, но я не могу рассказать тебе все по телефону. Объясни своему Вито, что тебе надо срочно лететь в Россию, что у тебя кто-то заболел, тетя, к примеру. Но тебе надо уехать как-то очень решительно, быстро, не вдаваясь в объяснения, мы с тобой так и не научились врать, он поймет, что никто у тебя не

заболел, и нафантазирует себе все, что угодно...

– Хорошо, я приеду. Прилечу. Попробую прямо сейчас заказать билет. А ты? Ты как?

– Постой... Мне показалось, что кто-то пришел... Все, я больше не могу говорить... – Гера перешла на шепот: – Где встретимся?

– Там же и встретимся.

– У Эммы?

– Да. Надеюсь, она по-прежнему там живет.

– Хорошо. – Геру уже почти не было слышно. – Не важно, кто доберется до нее первой, будем дожидаться друг друга. Только поклянись, что действительно приедешь. Я буду ждать тебя там до последнего!

– Ты же знаешь меня.

– Все, целую тебя, моя дорогая подружка. Лева пришел... Пока...

История, которую ей рассказала Гера, потрясла Наташу. События, которые могли бы последовать за этим, трудно предугадать, хотя Гера придерживается другого мнения. И, зная характер Геры, бездействовать она уж точно не будет. Станет бороться за свой брак, за своих дочерей, за своего еще не рожденного ребенка.

...В самолете она не притронулась к еде, только выпила немного виски. Так тяжело было на душе! Она смотрела в иллюминатор и спрашивала себя, что было бы, если бы Гера

обо всем рассказала Лева. Если бы, если бы... Нет, Гера не такая. Она привыкла сама решать свои проблемы, а еще она точно уверена, что даже если бы, не дай бог, Лева узнал что-то, Гера бы с ним не осталась. Она – максималистка, полутона – не для нее. Она сама, своими маленькими нежными ручками и большим добрым сердцем, преисполненным любви, создала свой мир, свой рай, и она не допустит, чтобы он превратился в ад для нее и для Левы.

Она вернется домой только после того, как будет уверена, что ни одна тень из прошлого не коснется ее семьи. Такая она, Гера.

Страшно подумать, как бы Вито отреагировал на подобное, добрый и великодушный Вито. Хватило бы у него сил и любви, чтобы так же радоваться жизни?

Мужчины – они не такие гибкие, как женщины. Они – инопланетяне, и спрогнозировать их реакцию на определенного рода события никто не возьмется.

Вот и получается, что Гера права и они сами должны все решить. Сделать то, о чем они мечтали все эти годы.

Полет длился почти пять часов, целую вечность, и за это время Наташе не удалось даже вздремнуть. Картины прошлого, окрашенные в темные тона и наполненные страхом и отчаянием, проносились перед ее внутренним взором. И среди всего этого кошмара, этого ада было маленькое теплое солнце – Гера. Возможно, что таким же источником тепла и света для Геры была Наташа. Очень хотелось бы в это верить.

А ведь они так надеялись, что прошлое никогда не даст о себе знать!

Москва проплывала за окном такси, мчавшим ее из аэропорта на Павелецкий вокзал, откуда в шесть вечера отправлялся поезд на Саратов. Не было смысла лететь в ночь, уж лучше отоспаться в поезде, а утром – в Маркс.

Несколько раз Наташа пыталась дозвониться до Геры – бесполезно. Ее телефон молчал. Вероятно, ей все-таки удалось оторваться ото всех и спрятаться в Марксе. У Наташи роуминг, поэтому есть вероятность, что Гера ей все-таки позвонит.

Незадолго до отправления поезда, проголодавшись, она перекусила прямо на улице молоком и свежей булкой, очень уж боялась отравиться в вокзальных закусочных.

Потом прогулялась по окрестностям, поражаясь тому, как изменилась Москва. Ей показалось, что даже люди изменились, стали двигаться быстрее, а лица стали еще более озабоченными, чем прежде. Хотя это ее мнение сформировалось, очевидно, гораздо раньше, когда она изо дня в день наблюдала жизнь россиян по телевидению, в новостях. Очень ее угнетали репортажи программы «Человек и закон», где факты растущей преступности, в особенности – масштабы мошенничества, воровства по всей стране и, самое ужасное, безнаказанности, вызывали страх и смятение.

Поскольку подготовиться к поездке у нее не было возмож-

ности, а подарков привезти хотелось, она положила в дорожную сумку все то, что нашла дома. Из продуктов – к счастью, еще запечатанный, купленный накануне окорок, хамон, бутылочку оливкового масла, испанский херес, шафран, коробочку миндальной халвы, из сувениров – две фигурки – балерина и клоун знаменитого валенсийского фарфора, еще две белоснежные наволочки, сшитые на заказ и обшитые кружевами, комплект ювелирных украшений из серебра и жемчуга. В Москве она заполнила пустое пространство сумки упаковками российских шоколада, конфет и печенья.

В купе она ехала одна, чему была очень рада. Ей так хотелось тишины и покоя, чтобы все хорошенько обдумать, по-вспоминать, поностальгировать, полюбоваться на подзабытые пейзажи за окном, послушать стук колес.

Она вспоминала, как они впервые встретились с Герой.

Гера жила с родителями в Марксе, в своем доме, на тихой и зеленой улице. Наташа приезжала в Маркс к бабушке из Саратова, областного центра. Встретились на танцах в клубе. Девочки-подростки. Наташа с рано оформившейся фигурой, уверенная в себе блондинка, окруженная мальчиками. И не подозревающая о своей красоте темненькая Гера, стоящая в углу среди нетанцующих девчонок, да еще и с перебинтованным коленом.

Наташа и сама не поняла, зачем подошла к ней и спросила, показывая на ногу:

– Не больно?

– Нога-то, да нет, конечно... – Смуглое личико девочки от румянца стало еще темнее. – Я же специально перевязала, чтобы на меня обратили внимание.

Наташа от такого признания расхохоталась:

– И кто же это тебе посоветовал?

– Да так... соседка одна, девчонка...

От Геры пахло спиртным.

– Ты что, выпила?

– Да. Коньяк. В гардеробе все пили по глотку. Так, для храбрости.

– Что, так уж страшно?

– Да не то чтобы... Просто меня никто никогда не приглашает. Думаю, что я слишком худая. У тебя-то вон какая грудь, а у меня...

Спустя годы Гера тоже оформилась, расцвела, вот только ее изысканная красота, с примесью татарской крови по отцовской линии, стала полной противоположностью красоте Наташи, румяной блондинки с пышными формами. Наташа почти каждые выходные приезжала в Маркс, вроде бы к бабушке, а на самом деле, конечно, к Гере. Маленький уютный городок Маркс стал для Наташи родным, она знала в нем каждую улицу, многих жителей. Они с Герой ходили на Волгу ловить рыбу, бабушка Наташи показала им свои грибные тайные места – великое множество маленьких песчаных ост-

ровков, напоминающих скорее болотные топи в хвойных лесах, в самом сердце которых – растущие «ведьмиными» кругами крепенькие маленькие грибочки-песочники с коричневыми глянцевыми шляпками и мясистыми аккуратными ножками.

Помимо развлечений и прогулок, Наташа с Герой помогали по хозяйству: пололи грядки в огороде и у Геры, и у Наташиной бабушки, квасили капусту, а осенью, нисколько не смущаясь, продавали ее на базаре, вкуснейшую, пересыпанную семенами укропа, а еще – соленые и маринованные грузди с песочниками, домашние яйца и толстые вязаные шерстяные носки.

Иногда Гера приезжала к Наташе в город, в гости, радовалась возможности сменить обстановку, увидеть совершенно другую, городскую жизнь в небольшой, но очень уютной квартире. Другая еда, новые развлечения, прогулки по вечернему городу, кино, театры – знакомство с оперой и балетом, с современной драматургией, первые влюбленности в настоящих, живых актеров!

Но самым ценным и приятным, конечно, была их дружба, их ночные разговоры о самом важном в жизни: о любви. Они посвящали друг друга в самые свои сокровенные переживания и мечты, советовались друг с другом, помогали, утешали, поддерживали, радовались.

Лето после выпускного бала оказалось для обеих подруг судьбоносным. Все планы, связанные с учебой, с поступле-

нием в университет, на один факультет, чтобы жить уже вместе в одном городе, рухнули, причем у каждой в отдельности, но по одной и той же причине. Гера встретила и полюбила Леву и вышла за него замуж, у Наташи все сложилось более волшебным, фантастическим образом. Отправившись после выпускных экзаменов буквально на пару дней в Москву отдохнуть-развлекаться, она встретила там со своим будущим мужем Вито, красивым молодым испанцем, с которым они провели вместе сутки, после чего он приехал к ней в Саратов и попросил ее руки. Свадеб было две – русская и испанская. Гера слевой были только на одной, русской, но пообещали в скором времени навестить друзей в Барселоне.

Однако только Наташа с Герой знали, что их жизнь на самом деле перевернулась сразу же после выпускного бала Геры, на следующий день, когда Наташа приехала в Маркс, чтобы поздравить подружку с окончанием школы. Родители Геры устроили настоящий праздник, накрыли столы в саду, пригласили ребят, веселье продлилось до самого утра уже на берегу Волги, с шашлыками, купанием, танцами, розовым шампанским...

А потом они потерялись. Их не было три дня, и в городе мало что сделали, чтобы их найти – прошло слишком мало времени. Все-таки пикник, алкоголь, девочки могли потеряться. И действительно потерялись. Выпали из реально-

го пространства на целую вечность. Их подобрала женщина, живущая в лесу, на газовой подстанции. Ее звали Эмма. Она держала коз, кур и гусей. Там, в ее доме «потеряшки» и отсыпались, приходили в себя после пережитого, там их отпавляли горячим бульоном, молоком, травяным душистым чаем, и они снова спали.

– Когда снова будет трудно, – сказала им Эмма, высокая худая рыжеволосая женщина неопределенного возраста в потрепанных джинсах и вязаной кофте, – всегда можете прийти ко мне. Даже можете остаться здесь жить. Все веселее будет.

У нее была очень добрая и очень грустная улыбка. От нее пахло цветами и медом. И этот запах ни Наташа, ни Гера никогда не забудут.

...Под стук колес Наташа крепко уснула, и вереница цветных ярких снов, фантастичных в своих сюжетных переплетениях, наложениях настоящего на прошлое и возможное будущее, баюкала ее до самого утра.

В полдень все собрались возле квартиры Северовых.

– Что конкретно сказал тебе Сережа? – спросила Глафира у Лизы.

– Сказал, что у него есть информация о Льве Северове, но что это не телефонный разговор. И тогда я сказала ему, что и у меня тоже есть информация о Левиной семье. Вот я и решила, что мы все вместе осмотрим квартиру, поговорим... Словом, все, как обычно.

– Но он хотя бы жив?

– Ничего не знаю, Глаша, говорю же!

– Лиза, перестань нервничать! Мы же пока ничего не знаем.

– Да ты пойми, это близкие мне люди, я очень люблю Дину Робертовну, а Лева... Он замечательный, он очень хороший. Я чувствую, что стряслась беда. Может быть, все крутится вокруг денег Левы? Не исключаю даже, что Геру похитили. Обманули, заманили, сказали, чтобы помалкивала, припугнули детьми... Словом, ты поняла.

Приехал лифт, из него вышел Сережа Мирошкин, следовательно прокуратуры и друг Лизы и Глафиры, с которым они зачастую вели параллельные расследования.

– Салют, девочки! – улыбнулся одними губами Мирошкин. – Вижу, что заинтриговал вас.

– Сережа, что слевой? – бросилась к нему Лиза. – Лев Северов – сын маминой подруги, понимаешь? Пропала его жена, Гера!

И она начала ему рассказывать о визите Дины Робертовны.

– Не уверен, что мы должны разговаривать на лестничной клетке, – нахмурился Мирошкин. – Давайте уже зайдем в квартиру. Где вы взяли ключи?

– Говорю же: его мама мне дала, она была у нас утром.

С этими словами Лиза достала ключи и открыла квартиру.

Глафира первым делом прошла в кухню, где в раковине увидела замоченную маленькую кастрюльку с остатками манной каши.

– Ну вот, она действительно все спланировала, смотрите, даже успела накормить детей завтраком. Вот только помыть посуду уже не было времени. Значит, она все-таки куда-то торопилась. Возможно, у нее было все распланировано по часам, а то и по минутам.

В целом квартира выглядела так, словно ничего и не произошло. Все на своих местах, не разбросано, разве что в детской комнате было не убрано, повсюду были раскиданы игрушки.

– Значит, так. – Сергей расположился за большим кухонным столом, достал толстый блокнот. Лиза с Глафирой сели

напротив него и приготовились слушать. – Вчера под окнами своей квартиры, в палисаднике был обнаружен труп...

– Нет!!! – вскричала Лиза, закрывая лицо руками.

– Лиза, да успокойся ты уже! – не выдержал Мирошкин. – Труп бизнесмена Вадима Рыбина.

Лиза шумно выдохнула, покачала головой:

– И что?

– А то, что последним человеком, который, предположительно, видел его живым, был как раз твой Лев Северов. Объясняю. С недавнего времени Рыбин стал партнером Северова, об этом нам рассказала секретарша Рыбина. И как раз незадолго до его смерти, в то же самое утро она сама лично видела, как Рыбин садился в машину Северова. Она предположила, что они отправились за город смотреть участок под строительство. Рыбин собирался строить дом, и Северов, по словам секретарши, обещал показать ему какое-то хорошее место на берегу озера или реки... Это был обычный рабочий день, тем не менее они все-таки отправились за город. И этому есть доказательство. На перекрестке, где шоссе сворачивает в сторону Пристанного, видеокамера, с помощью которой установили, что действительно вчера, 11 мая, в 10.33 в сторону Волги проехал джип, принадлежащий Льву Северову. Мы увеличили фотографию, рядом с водителем действительно сидел погибший Рыбин.

– Подожди, Сережа... Но ты сказал, что труп Рыбина был обнаружен под окнами его квартиры...

– Именно! После разговора с секретаршей Северов был задержан, у него взяты отпечатки пальцев... Они полностью совпадают с отпечатками пальцев, найденных на месте преступления.

– Но если они стали партнерами, то можно предположить, что Лева бывал в гостях у Рыбина, вот откуда там отпечатки пальцев! – воскликнула Лиза. – Что ж в этом удивительного?

– Словом, на основании всего этого его задержали и даже успели предъявить обвинение в убийстве!

– Как именно он был убит?

– Его просто выбросили из окна. Он скончался от полученных травм.

– То есть это не огнестрел, не отравление, не ножевое ранение... – задумчиво проговорила Лиза.

– Отпечатки пальцев – это несерьезно, – заметила Глафира. – Но вот их совместная поездка...

– Сейчас как раз занимаются машиной твоего Левы, – сказал Мирошкин. – А что можешь о нем сказать?

– Ну, во-первых, что он – достойнейший человек и не способен на убийство! Тем более такое, – сказала Лиза.

– Какое «такое»?

– Подлое, что ли. Сделать так, чтобы жертва подошла к окну, чтобы потом просто выбросить его оттуда? Зачем?

– По словам секретарши, отношения между Северовым и Рыбиным были прекрасные. Больше того, она слышала, что Северов пригласил Рыбина к себе домой. На ужин, чтобы

поближе познакомиться.

– Я даже знаю, что планировалось приготовить на ужин, – вдруг сказала Глафира.

– В смысле? – Лиза повернулась к ней. – Ты успела заглянуть в холодильник?

Вместо ответа Глафира проворно выбралась из-за стола и распахнула большой холодильник, продемонстрировав его содержимое.

– Смотрите, сколько всего накуплено и даже не распечатано: ветчина, колбасы, рыба, все для салатов, майонеза ведерко!!! Вино! И торт – не тронутый! Постойте, может, повезет? – С этими словами Глаша извлекла из холодильника сверток, развернула его, там оказался ломоть соленой семги, а на самом дне – чек! – Повезло! Смотрите! А вот и весь список продуктов! Очень даже похоже на приготовление к званому ужину. И куплено все это было в 9.30 утра 10 мая!

– Значит, ужин был запланирован либо на этот же день вечером, либо на следующий. Иначе какой был смысл покупать все заранее, так? – рассуждала Глафира.

– Может, ужин был запланирован на 11 мая, но перед этим Лева с Рыбиным решили прокатиться до Пристанного, чтобы осмотреть участок... А на обратном пути заехали бы к Леве домой. Однако никакого ужина не состоялось, больше того...

– ...жена Левы, Гера, ничего не готовила... – продолжила

за нее Глафира. – Почему?

– Тут всего два варианта, – сказал Мирошкин. – Либо Гера знала, что ужина не будет, то есть муж ее предупредил, что ужин по какой-то причине откладывается, либо она сама приняла такое решение, потому что знала, что ей надо уехать. В этом случае она бы предупредила мужа, придумала бы что-нибудь... Сослалась бы, может, на нездоровье... Мало ли... Или что-то другое.

– В любом случае ужина не было, – сказал Мирошкин. – И как раз в этот день Рыбин был убит. Да, забыл сказать... Самое важное, между прочим! Между Рыбиным и Северовым произошла драка. Когда приехали его задерживать, вчера, прямо на работу, он еще оставался в той же одежде, в которой и был весь день, и на рубашке были едва заметные пятна крови. Кроме того, у него имеются следы драки на кулаках, ссадины, кровоподтеки... Взяли кровь на анализ, и оказалось, что она принадлежит убитому Рыбину.

– Сережа, но Лева – очень умный человек. И если бы он, предположим, убил Рыбина, как ты думаешь, он сменил бы одежду? Чувствую сердцем: на Леву повесят это убийство, как пить дать. А он-то, он сам что говорит?

– В том-то и дело, что ничего. Так, во всяком случае, мне сказал следователь, который ведет это дело.

– Сережа, очень тебя прошу... Я знаю, что ты завален работой, но все равно попроси своего коллегу... Как его фамилия?

– Быстров, Славка, ты его знаешь!

– Вот, попроси Славку, чтобы он отдал тебе это дело. Тем более что оно не такое простое, как может показаться. Сходи к начальству, поговори, можешь даже сослаться на меня, скажи, что я веду параллельное расследование, потому что пропала жена Северова... Уверена, если ты все это скажешь, твой начальник, Корнилов, хорошенько подумает, прежде чем отказать. Он же не может знать, что вместе мы с тобой быстренько раскроем это дело.

– Ладно, я поговорю. Тем более что Славка хотел в мае пойти в отпуск, у него жена должна вот-вот родить.

– Вот и хорошо! Сережа, мне нужно, чтобы именно ты вел это дело. Я не так часто тебя прошу о таких вещах. Речь идет о близких мне людях. Я сердцем чувствую, что случилось что-то нехорошее... Но вот что, пока не понимаю. Как только ты официально займешься этим делом, устроишь мне встречу слевой. Если он сейчас молчит, то у него есть причина. Либо он что-то скрывает, либо боится сказать что-то лишнее. У него уже есть адвокат?

– Говорю же: он молчит. Словно онемел...

– Шок? Ты думаешь, у него шок? А он вообще-то в порядке?

– Лиза, дорогая, откуда мне знать? Я же его не видел, я просто поговорил со Славкой.

– Бедная тетя Дина, представляю себе, как она расстроится, да ее это просто убьет! Посудите сами: сначала исчезает

беременная сноха, оставив ей на попечение двух маленьких деток, потом оказывается, что задержан Лева...

– Знаете, что я обо всем этом думаю? – сказала Глафира. – Это подстава. Я бы начала с участка, который они хотели осмотреть. Может, секретарша что-нибудь знает? Возможно, и ужин бы состоялся, если бы не эта поездка, причем маршрут кто-то словно специально спланировал таким образом, чтобы машина Северова проехала как раз мимо видеокамер, чтобы видно было, что они вдвоем. А потом кто-то и убил его, а подозрение упало на Северова.

– А как же драка? Ее-то как могли спланировать? – недоверчиво покосилась на нее расстроенная Лиза.

– Ну, не знаю...

– А что, мне тоже кажется, что все это неспроста, – поддержал Глафиру Мирошкин. – Ведь кто-то же заставил жену Северова все бросить и уехать?!

– Ты сделал то, о чем я тебя просила?

– Конечно! Ищут твою Геру, ее машину, проверяют списки пассажиров, где только можно. Но времени действительно прошло слишком мало. Возможно, что она еще в городе. Или за городом. Во всяком случае, если бы где-нибудь засекли ее машину, то я бы уже знал.

– А телефон? Ее телефон?

– Нет сигнала. Думаю, что она сменила его, или же у нее просто отобрали телефон и уничтожили сим-карту.

– Послушайте, у меня паника, – призналась Лиза, вско-

чила и принялась обходить квартиру. Глаша последовала за ней. Сергей остался в кухне, писал что-то в свой блокнот. – Не знаю, с чего начать. Совсем растерялась. Глаша, давай осмотрим не спеша все комнаты, попытаемся найти хотя бы что-нибудь... Так, стоп. Вы же понимаете, что здесь еще никого не было – ни опергруппы, ни экспертов, никого...

– Вчера все работали в квартире Рыбина, все силы были брошены на это дело. К тому же у Быстрова, я думаю, пока еще нет постановления на обыск в этой квартире, да и о том, что жена Северова исчезла, тоже никому, кроме нас, еще не известно.

– Вот именно! Поэтому-то я и хочу, чтобы ты вел дело Рыбина, тогда мы бы могли объединить эти два дела, и у тебя было бы больше возможностей и людей.

– Ладно, девчонки, оставайтесь здесь, может, что и найдете, а я поехал. У меня еще много работы. С Быстрым и Корниловым я поговорю, думаю, здесь проблем не будет.

– Спасибо тебе, Сережа.

Лиза с Глафирой еще раз хорошенько осмотрели квартиру. Во всех четырех комнатах – порядок и чистота. Цветы политы. В документах тоже порядок, все на месте – дипломы, свидетельства о праве на недвижимость, за исключением самого главного – паспорта Геры.

– Вот куда она уехала? Зачем? – недоумевала Лиза, разбирая на письменном столе бумаги, документы. – Глаша, что

там в шкафах?

– Судя по состоянию шкафов и ящиков комода, она практически ничего с собой не взяла. Смотри, все аккуратно сложено. Дорогие шубы, меха, теплые свитера, сапоги, сумки – все на месте. Я хочу сказать, что создается такое впечатление, будто бы она ушла в том, в чем пришла, понимаешь? Так уходят гордые и сильные женщины, желающие продемонстрировать свою независимость и отсутствие алчности. Мол, в чем пришла, в том и ухожу. Посмотрела я и содержимое ее шкатулки с драгоценностями. Если бы она, к примеру, решила уйти из дома, то есть от мужа, ну, поссорились или еще чего, то она наверняка взяла бы с собой детей, это однозначно, и уж драгоценности прихватила бы точно. Надо же ей чем-то их кормить! Лиза, а если предположить, что она полюбила другого человека и тоже очень богатого? Зачем ей тогда что-то брать из дома? Он бы и так ей все купил.

– Другой мужчина, который готов был принять ее, но только без детей? Ты ее просто не знаешь, Глаша. Гера – олицетворение материнства. И если она бросила детей, то лишь исключительно в целях сохранить им жизни, спасти их. Больше мне ничего в голову не приходит.

– А может, Лев все-таки убил Рыбина, а потом успел позвонить Гере и сказал, чтобы она бежала, чтобы, к примеру, дожидалась его где-нибудь, где они могли бы отсидеться, а потом купить себе другие документы и уехать за границу? А детей оставили, чтобы не подвергать их опасности?

Перерыв содержимое всех шкафов, пересмотрев все документы, заглянув в каждую щель, в каждый угол, они не нашли ничего, что могло бы натолкнуть на причину, заставившую Геру исчезнуть, убежать.

– Может, она на самом деле ушла куда-нибудь умирать, как кошка? – тихо произнесла Глафира. – В одиночестве?

– Тогда не станем тратить время. Тебе известен ее адрес, вот и отправляйся к ее участковому врачу. А я свяжусь с тетей Диной, быть может, она подскажет, кто именно ее лечил, возможно, она наблюдалась у частного доктора.

– Вот только не надо мне задавать никаких вопросов. Пожалуйста. Я никого не хочу подставлять. Но то, что задумала, я все равно сделаю, ты слышал?

Захар машинально сгреб своей огромной ручищей рыбные кости со стола, выбросил их, затем мокрой тряпкой хорошенько протер клеенку.

В доме было очень тихо. Только будильник, стоящий на посудной полке, стучал, равнодушно уничтожая секунду за секундой время. Тик-так, тик-так...

– Послушай меня, Герыч. – Захар переставил табурет поближе к Гериному, сел совсем близко и взял ее маленькие руки в свои, сжал тихонько. – Ведь если ты пришла ко мне спустя столько лет, значит, ты доверяешь мне. Значит, у тебя за все эти годы не появилось более близкого человека, которому ты могла бы довериться...

– Все не то ты говоришь, Зорька. – Она вздохнула. – Не то. Но я все равно тебе ничего не скажу.

– Ты хочешь кого-то грохнуть. Тебя кто-то обидел, это ясно. Или же кому-то из твоих близких грозит беда. Так? Тогда почему же ты мне ничего не хочешь рассказать?

– Захар, мне лучше уйти... – Она попыталась высвободиться из его рук, но он крепко держал ее. – Отпусти, мне

больно!

– Хорошо, предположим, я достану тебе ствол. И куда ты пойдешь? Что будешь делать? Ведь ты же даже стрелять не умеешь!

– Научусь. – Глаза ее сверкнули холодным блеском. – Да как же ты не поймешь – я все равно все доведу до конца! Просто не могу себе представить, как это я у чужих буду покупать ствол... Деньги отдам, пистолет мне никто не даст, может, и меня за деньги пристрелят... Захар, я знаю, у тебя есть ствол. Просто не может не быть. У тебя с рождения под подушкой рогатка была...

– И у тебя тоже, кстати.

– Так ты поможешь мне?

– Хорошо. Помогу. Но если бы ты мне все рассказала, я бы помог тебе сделать то, что ты задумала.

– У тебя есть семья?

– Конечно, есть. Жена, два пацана. Все как положено.

– Вот поэтому я должна сделать все сама.

– Но ты мне хотя бы Расскажи, что случилось!

Она вырвала свои руки из его рук, встала и решительно направилась к выходу. Маленькое ее тело, стройное, гибкое и сильное, четким бархатистым силуэтом застыло на мгновение в проеме двери. Захар сделал рывок, быстрое движение, поймал Геру на пороге, поднял, легкую, какую-то не совсем реальную, словно залетевшую в этот дом из его маль-

чишеских снов, на руки и вернул в дом, усадил на табурет.

– Все. Хорошо, я понял... Будет тебе ствол. Только не пи-
столет, а обрез, так будет безопаснее. Хотя там отдача силь-
нее... Уф ты... Гера!!! Подожди меня здесь. Или поехали со
мной.

– Нет, все должно произойти в нейтральном месте. Зна-
ешь, где водокачка за городом, там еще дубы такие огромные
росли... Надеюсь, там ничего не изменилось?

– Да, водокачка на месте.

– Отвези меня туда, и я буду там ждать. Или вызови мне
такси.

– Это тебе не Саратов, такси не дождешься. Хорошо, по-
ехали.

Короткой дорогой через Воруи-город поехали до водокач-
ки. Высохший ручей, тянувшийся вдоль основного русла Вол-
ги, густо зарос ивами, а по краю дороги выстроились древ-
ние, могучие, широкоствольные, развесистые дубы. В жару
они давали прохладную тень, а между растущими под ду-
бом папоротниками можно было спрятаться, чтобы продол-
жить свои детские игры на свежем воздухе, зарыть малень-
кие, с цветами и стеклышками, клады, устроить пикник или
просто выпасться под щебет птиц и стрекотанье насекомых.
Пыльная, в ухабах дорога, ведущая на газовую подстанцию,
за город, сейчас была асфальтирована и серой матовой лен-
той уходила в глубь леса, чтобы через несколько метров вы-

нырнуть к песчаному карьере, а после развилки разделиться: одна приведет к домику Эммы, другая – к бывшему пионерскому лагерю, превращенному в санаторий «Орлиное».

Захар высадил Геру и уехал. Она же поспешила скрыться в зарослях, чтобы не привлекать к себе внимание проезжающих на машинах людей. Мало ли, вдруг ее кто-то узнает?

Устроившись на кочке, подложив под себя рюкзачок, Гера достала телефон и набрала по памяти номер Наташи. Услышав длинные гудки, она обрадовалась. Значит, Наташин телефон жив и готов связать их.

– Да, слушаю... – услышала она совсем близкий голос Наташи. Это было счастьем!

– Наташа, это я... – прошептала, не в силах справиться с волнением, Гера. – Я так хорошо тебя слышу. Где ты? Еще там, в Барселоне?

– Нет, я уже в такси, мчусь в Маркс, к Эмме, мы же договорились!

– Боже, этого не может быть!!! – И Гера разрыдалась. – Просто невероятно! Так быстро! Конечно, я надеялась и в то же самое время понимала, что эта поездка может не понравиться твоему мужу...

– Ты как позвонила, я сразу же собралась и вылетела в Москву! Оттуда – в Саратов! Гера, ты сама-то где?

– В пятистах метрах от дома Эммы. У меня здесь назначена встреча. Не могу больше говорить... Машина... Он вер-

нулся. Встретимся у Эммы, Натка! Какая же ты молодец!!!

Она сунула телефон в карман и выбралась на дорогу, потом, опомнившись, вернулась за рюкзаком. Захар к тому времени уже вышел из машины. В руках у него была обувная коробка.

– Давай спустимся... Не хочу, чтобы нас видели вместе. Здесь каждая собака меня знает. Да и рыбаков полно, они все по этой дороге едут на залив.

Он обнял ее за плечи и увлек за собой вниз, в заросли кустарника, усадил на то же место, где она только что сидела.

– Рюкзак подложи, а то замерзнешь. Смотри, какая здесь тень, так прохладно, словно кондиционер работает. Значит, так, Герыч. Вот тебе ствол. Я так понимаю, что пользоваться оружием ты не умеешь. Тогда скажи – зачем тебе все это? Маловероятно, что ты пристрелишь того, кого наметила. А вот сама ты можешь реально пострадать. Не проще ли назвать мне имя этого человека, и я сделаю за тебя всю грязную работу?! Или поручу кому-нибудь. Мне это будет сделать просто. Ты знаешь.

Она смотрела на него растерянно, испуганно, отлично понимая, что он прав и что ей вряд ли удастся воспользоваться пистолетом. Что перед этим им с Наташей надо будет потренироваться.

– Послушай, спасибо тебе, конечно... Мне надо подумать.

Я потренируюсь, попробую выстрелить хотя бы несколько раз...

– Что, Герыч, все так плохо, раз ты решила прибить своего благоверного?

– Ты что, Захар?! Лева – прекрасный муж и отец моих детей!!! Нет, дело не в нем... Пожалуйста, не пытай меня, я все равно не скажу. Не могу.

– Хорошо, пусть не он. Но почему ты не обратилась к нему за помощью? Ведь он, как я понимаю, близкий тебе человек? Или?...

– Пожалуйста, Захар, не надо... Ничего не надо говорить... Мне и так очень тяжело.

– Тогда сделаем так. Ты запиши номер моего телефона. Если почувствуешь, что одна не справляешься, если возникнут проблемы, причем на любом уровне – прокуратура, полиция, администрация... У меня везде есть свои люди. Даже в Москве. Ты не представляешь себе, с какими людьми я сидел. Ты все поняла?

– Там эти... пули... патроны, я не знаю... есть?! – Она показала пальцем на лежащую на земле коробку с пистолетом.

– Конечно, есть. Там все есть. Даже хирургические перчатки. Наденешь перед тем, как...

Она не верила своим ушам. И глазам. Все, что происходило с ней с тех пор, как она покинула свой дом и отвезла девочек свекрови, представлялось ей болезненным, тяжелым

сном. Маркс, кафе, пьяница с телефоном, копченая рыба в доме Захара... Теперь вот эти дубы, коробка с пистолетом, вернее, с обрезом!..

Захар вдруг крепко обнял ее, сжал в своих сильных ручищах, поцеловал в макушку.

– Очень тебя люблю, Герыч. Может, и не как бабу, я воспринимаю тебя как ангела из моего детства, как пацанку, с которой мы лазали по чужим садам и пекли картошку на островах. Но ты – близкий мне человечек. Я не могу допустить, чтобы с тобой что-то случилось. Я – здоровый мужик, у меня есть оружие, связи, друзья, я много чего могу. Расскажи мне, что с тобой случилось, доверься мне!

– Но я не могу, не могу... – Губы ее дрожали, из глаз лились не переставая слезы.

– Это чужая тайна, да? Поэтому?

Он хотел услышать, что причиной молчания является не ее недоверие, что она просто не имеет права раскрывать чужие тайны. Хотя на самом-то деле все было гораздо сложнее. Просто ей хотелось оставаться в его памяти ангелом. Как и в памяти Левы, и даже Дины Робертовны, которую она в свое время легко назвала мамой.

Она бросила взгляд на дорогу, и ей показалось, что эта серая извилистая лента чем-то похожа на ее жизнь, и что никто не знает, что ее ждет за поворотом и в какие петли и узлы

она закрутится. Или совсем оборвется.

– Захар, ты поезжай, а я останусь. И постарайся забыть все, что здесь сейчас произошло. Когда все закончится, я сама тебя найду и верну вот это. А если не верну, то не поминай меня лихом. Поверь, я делаю все правильно!

– Ладно, Герыч, ты сама знаешь, что делаешь. Я все равно буду ждать звонка. Запиши мой номер...

Он сел в машину и уехал. Гера, постояв несколько минут на дороге, не спеша, походкой уставшего человека побрела в сторону газовой подстанции.

Время от времени она оглядывалась, боясь, что Захар не сдержит своего обещания и проследит за ней, но вокруг было тихо, она не слышала звука мотора. Над головой ее в кронах деревьев щебетали птицы, да так громко, словно хотели обратить на себя ее внимание. Перелетая с ветки на ветку среди изумрудной, подсвеченной солнцем листвы, они провожали ее почти до самого дома Эммы.

Тихим шагом, стараясь не шуметь, параллельными, тихими тропами вдоль дороги, скрываясь в густой зелени деревьев, двигался за ней Захар. Сердце его стучало, бухало, грохотало, и удивительным было то, что этот сердечный гром не слышала маленькая хрупкая женщина, спешащая навстречу своей беде.

Предполагая, что исчезновение Геры связано с обвинением в убийстве ее мужа, Льва Северова, и заручившись поддержкой Сергея Мирошкина, который добился того, чтобы именно ему передали это дело, Лиза с Глафирой разработали план действий.

– Первое, что нужно сделать, Глаша, это встретиться с Левой. Слава богу, Сереже передали это дело... Надо же его спасти! Я прямо сейчас поеду к нему и попытаюсь узнать, в чем дело и почему он молчит.

– У тебя сегодня встреча с тем бизнесменом, жену которого арестовали на днях... Ты забыла? – осторожно напомнила ей Глафира. – Он должен как раз сегодня принести деньги и заключить с нами договор.

– Да помню я все, но не могу. Понимаешь, не могу сидеть и дожидаться этого Михайлова. У меня душа болит за Леву. Ты не могла бы перезвонить ему, чтобы перенести его визит на поздний вечер? Вот уж в восемь часов я точно буду здесь, и мы обо всем с ним договоримся. Уверена, что дело будет легким, тем более что никакого соседа она не убивала, у меня есть информация, что в этом деле замешана совсем другая женщина, которую сейчас разыскивают... Вот только Михайлову я пока ничего говорить не буду. Пока все не выяснится.

– А жену его не жалко?

– Понимаешь, там не все так просто... Дело в том, что этот Михайлов сам подставил свою жену... Там темное дело. С женой Михайлова, ее зовут Даша, мне вчера удалось встретиться и поговорить... Так вот, она считает, что муж просто делает вид, словно хочет спасти ее. Что если бы он действительно этого хотел, то он бы, во-первых, давно внес залог, чтобы ее выпустили из изолятора, и уж обратившись к нам, в первые же минуты выразил желание заключить договор и перевести деньги. Спрашивается, чего он тянет? Деньги у него есть, мне Даша сказала.

– А при чем здесь их сосед?

– Даша говорит, что Михайлов со своим соседом, убитым Валерием Зосимовым, любовницу не поделили.

– Думаешь, это она убила Зосимова?

– Вряд ли, но она много чего знает. И вообще, Глафира, пока мне этот Михайлов не заплатит, я палец о палец не ударю. Что же касается Даши... Послушай, там все документы уже оформлены, нужно просто поехать и внести залог. Может, ты выкroiшь время и провернешь это дельце?

– Да я с радостью!

– Деньги я тебе прямо сейчас дам, у меня и конверт приготовлен, – каким-то странным, извиняющимся тоном проговорила Лиза. – Вернее, два конверта. Один, что потоньше, отдашь начальнику следственного изолятора, Дорошев его фамилия.

– Лиза, ты чего? Говоришь, что и документы для залога готовы, и деньги в сейфе лежат, а бедная женщина до сих пор в камере?

– Не знаю, что со мной... – Лиза устало опустилась на стул и обхватила пальцами голову. – Голова кругом идет. Понимаешь, не знаю, как у кого, а у меня, когда я вижу или слышу какую-то несуразицу, попахивающую безумием или фантастикой, ну, к примеру, вот увижу сейчас, как на нашей клумбе появится летающая тарелка... ты понимаешь?

– Ну и что?

– Возможно, у тебя психика крепче моей... А у меня в таких случаях мозг словно блокируется, не воспринимает информацию, понимаешь?

– Это ты о чем?

– О Леве, к примеру. Или о Гере. Эти поступки им не свойственны, вот в чем все дело. Гера – любящая мать и никогда бы, ни при каких обстоятельствах не бросила бы своих детей. Плюс она беременна.

Лева. А Лева бы никогда не молчал на допросах, если бы его заподозрили в убийстве!!! Он бы защищался, как... как лев!!! Он сделал бы все, чтобы поскорее выйти, воссоединиться со своей семьей, с обожаемой им Герой.

Но они ведут себя как-то не так, неестественно, значит, есть какая-то причина их поведения, поступков. И причина настолько серьезна, что Гера бросила своих детей. Причем не спрятала, к примеру, где-нибудь в таком месте, где бы их

не смогли найти.

– Да-да, я хорошо понимаю, о чем ты. Если бы их жизни что-то угрожало, то она бы, конечно же, отвезла их куда-нибудь подальше, на самом деле спрятала бы их. А так она оставила их у своей свекрови. Из этого делаем вывод, что детям точно ничего не угрожает. А вот ей, Гере, – возможно. Или Леве.

– Глаша, не будем терять время. Итак. Я прямо сейчас еду к Леве, уверена, что уж мне-то он точно все расскажет. А ты, пожалуйста, бери деньги и поезжай вызволять Дашу.

– Хорошо, я поеду. Только один вопрос. Лиза, это наши деньги?

– Нет, не наши. Они мои. Личные.

– Не поняла...

– Дело в том, что я просто-напросто хочу спасти эту молодую женщину. Вот увидишь, ее муж времени зря не теряет и делает сейчас все возможное, чтобы следствию было проще всего доказать именно ее вину в этом деле, понимаешь?

– Откуда такая уверенность?

– Говорю же, я разговаривала с ней. У них с мужем очень сложные отношения. Я тебе как-нибудь потом все расскажу.

– Хорошо, тогда я поехала.

Лиза вручила Глафире конверты с деньгами:

– Заберешь ее и отвезешь в Бобровку.

В Бобровке, на самой окраине деревни, находился дом, принадлежащий Гурьеву, мужу Лизы, в котором она время от времени прятала нужных ей людей.

– По дороге закупи продуктов, возьми канистру для бензина, он может понадобится для генератора. Смотри там сама, по ситуации...

– Все сделаю. Не переживай. И вообще, Лиза, возьми себя, наконец, в руки!

По дороге в следственный отдел Глафира размышляла о том, как сильно изменилась Лиза, какой стала неуверенной в себе, слабой.

И вдруг, поймав важную мысль, предположение, в каком-то судорожном эмоциональном порыве так резко дернула руль, что чуть не съехала на обочину шоссе. Испугалась, вырулила на положенную траекторию и покатила дальше, с тайной радостью смакуя открытие: Лиза влюблена в этого Леву! Или же была влюблена, но потом благополучно вышла замуж за Гурьева и, скорее всего, позабыла свои чувства к Леве.

Чтобы проверить это предположение, Глафира на свой страх и риск решила съездить к Дине Робертовне и все выяснить. Любопытство, помноженное на желание помочь Лизе и взять большую часть работы на себя, – вот что двигало Глашей, когда она припарковала машину возле подъезда дома, в котором жила мама Левы Северова. От правды, какая

бы она ни была, всем будет только лучше, решила она, поднимаясь на лифте и при этом чувствуя, что в какой-то мере предает свою лучшую подругу.

– Дина Робертовна, мне надо с вами поговорить, – сказала Глафира прямо с порога, обращаясь к еще недавно такой чужой, а теперь ставшей какой-то удивительно родной, вызывающей сострадание женщине.

На ней были домашние брюки и майка, из квартиры тянуло теплым запахом подгоревшего молока и горячей каши. Откуда-то из глубины квартиры раздавались веселые детские голоса и смех.

– Пожалуйста, проходите. – Дина Робертовна, увидев Глафиру, о визите которой не была предупреждена, выглядела испуганной. – Господи, надеюсь, ничего страшного не произошло?

– Нет-нет, просто мне надо задать вам несколько вопросов. И еще... Пожалуйста, не рассказывайте о моем визите Лизе. Ей бы это не понравилось.

– Ну, вообще, заинтриговали меня, Глаша... Пойдемте-пойдемте, вот сюда, в кухню, у меня сейчас должен закипеть бульон, нельзя пропустить, знаете ли...

В кухню пулями залетели две маленькие очаровательные крошки в пестрых пижамках, дочери Левы и Геры – Анечка и Катюша. Остановились как вкопанные перед неизвестной гостьей, захлопали глазками. Бабушка дала им по яблоку и

отправила дальше играть.

– Это мое счастье, – вздохнула Дина Робертовна. – Не представляю, что бы я делала, если бы Гера их забрала!

– Дина Робертовна, я здесь, потому что переживаю за Лизу. Понимаете, я с ней работаю уже не первый год и знаю, какая она: сильная, решительная, даже, я бы сказала, отважная и очень, очень уверенная в себе. Мы с ней распутали огромное количество самых разных дел, бывали в таких передрыгах, сложных ситуациях и практически всегда выбирались достойно... Она всегда знала, что ей делать, как себя вести. Да она вообще – зверь! Не знаю, понимаете ли вы меня...

– Да, у Лизы действительно твердый характер. Она очень сильный и волевой человек. И что же случилось?

– Почему она так сильно переживает за вашего сына? Она очень сильно расстроена, буквально выбита из колеи, на нее тяжело смотреть... Я никогда не видела ее такой... Она говорит, что Лева ведет себя неестественно, раз не защищает... Что Гера тоже исчезла, бросив детей...

– Она права. Это и меня тоже убивает. Словно это и не Лева с Герой, а какие-то совершенно другие люди, которые присвоили себе их внешность.

– И вы тоже так считаете? Так, может, это и не они?

– Ну это я так, абстрактно... На самом-то деле это они. Мне ли не знать своего сына?

– Но вы же не видели Леву после того, как он пропал?

– Я знаю, что он задержан, знаю, что его обвиняют в убий-

стве какого-то там Рыбина, и знаю, что он молчит. Я хотела встретиться с ним, но мне не разрешили. Глафира, что вы хотите сказать? Что вместо моего сына там, в следственном изоляторе, находится его двойник? Близнец? Человек – точная копия моего Левы? И что это не Гера, а какая-то посторонняя женщина привезла мне моих внучек?

– Да нет, конечно... Уж слишком все было бы сложно. Вообще-то я пришла поговорить с вами о Лизе. Быть может, в прошлом между Лизой и Левой были отношения, которые мешают ей сосредоточиться и начать работать в полную силу? Как вы думаете, что ей мешает взять себя в руки?! Она стала просто как кисель!

– Да, вы правы. Они еще детьми были влюблены друг в друга. Но Лева рос мальчиком тихим и нерешительным и даже когда повзрослел, не нашел в себе силы признаться Лизе в своих чувствах, и они продолжали, как бы это сказать, дружить, понимаете? Просто дружить. Наши семьи были близки, мы часто ходили друг к другу в гости, Жека, Лизина мама, да и я тоже, мы обе надеялись, что наши дети поженятся. Но Лиза так и не дождалась от Левы первого шага, признания, думаю, он элементарно боялся до нее дотронуться... А Лиза выросла быстро, сформировалась, стала очень независимым, храбрым человечком, к тому же красавицей, за которой бегали мальчики... Она всегда отличалась блестящими способностями, острым умом, потрясающей интуицией и твердым характером. Левушка и любил ее, и боялся.

Она была как ветер, ураган, который сметает все на своем пути... Лева встретил Геру в провинциальном городке, чистую, тихую девочку, которая воспринимала его как взрослого мужчину, понимаете, а это для Левы было очень важно. А Лиза тем временем встретила харизматичного и сильного мужчину, Диму, который, быть может, увидел в ней более слабое существо, ну, или женщину, равную ему по уровню, понимаете? Мне эта чудесная пара – Лиза и Дима – всегда представляется двумя молодыми и сильными зверями. Я серьезно. В то время, как мой Левушка, который на сегодняшний момент тоже достиг немало в жизни, устроился и обзавелся своей семьей, домом, представляется мне пока еще не разбуженным, но тоже очень сильным львом, все силы которого направлены не на завоевание, не на борьбу или желание кому-то что-то доказать, а на сохранение своей семьи, отношений с женой. Вся его сила сейчас заключается в любви.

– К Гере?

– В основном, да. Безусловно, он обожает своих дочек, но Гера – это совсем другое. Она для Левы – целый мир!

– А Лиза?

– Лиза? Это другой мир... Это его детство, первые любовные переживания, очень сильные и почти неуправляемые желания, страсть, если хотите.

Глафира вдруг на какой-то момент почувствовала отвращение к себе за то, что поддалась порыву и пришла сюда, в

дом, где от нее ждали каких-то новостей, реальных результатов поисков или расследования. А она, получается, приехала к Дине Робертовне только лишь для того, чтобы проверить свои догадки в отношении Лизы и Левы. Какой женский поступок!

Дина Робертовна между тем сняла накипь с кипящего бульона и принялась чистить картошку. Слезы капали на стол.

– Знаете, чему я обрадовалась? Тому, что Лева в полиции, что он жив! Вот так-то вот, Глашенька. А за Лизу не переживайте. Она сейчас такая до определенного момента, пока не увидится с Левой. Они поговорят, и она уже будет знать, как ей действовать. Безусловно, я не расскажу ей о вашем визите. Это не в моих правилах. А еще...

Она подошла к Глафире и обняла ее.

– Знаете, я рада, что у Лизы такая подруга. Никогда не надо стесняться своих истинных чувств. Ведь вы пришли ко мне, чтобы лучше понять поведение Лизы, вы переживаете за нее, так?

– Да, так... Мне очень хочется ей помочь, как-то поддержать, а еще сейчас, когда я знаю всю правду о ней и вашем сыне, я уже не совершу определенного рода ошибок психологического плана. Не наговорю лишнего, не причиню ей боли.

– Думаете, она в душе ревнует Леву к Гере?

– Уверена.

– Любовь – это такое сложное чувство... – проговорила со вздохом Дина Робертовна, продолжая очищать картофелину. – Кто знает, может, ее неудовлетворенное чувство к Леве дает о себе знать?

Глафира, несмотря на поддержку Дины Робертовны, все равно вышла от нее с чувством вины. Помимо того, что она предала Лизу, пусть даже и желая ей добра, она еще потеряла время. Незвестная ей пока молодая женщина, Даша, страдала в изоляторе, куда ее заперли, словно дикое животное в клетку.

Благодаря личной договоренности Лизы с начальником следственного изолятора Дашу после определенной процедуры выпустили буквально через полчаса.

В дверях кабинета начальника Глафира увидела невысокую и очень худенькую черноволосую девушку в джинсах и черном свитере. Волосы небрежно заколоты за ушами. Лицо бледное, под глазами залегли сиреневые круги. Взгляд карих глаз потухший.

– Я от Лизы Травиной, – сказала Глафира, беря ее за руку. – Пойдемте.

Услышав ее слова, Даша метнула быстрый взгляд на начальника тюрьмы, который, получив помимо официального залога еще и свой конверт с деньгами, сидел за столом с ви-

дом человека, нетерпеливо ожидавшего, когда же его наконец оставят в покое со своей неожиданной радостью.

Женщины быстро покинули изолятор, Глафира заботливо помогла Даше устроиться на переднем сиденье своей машины.

– Лиза поручила мне вас спрятать. Мало ли... Постарайтесь успокоиться, теперь все позади.

Даша продолжала молчать. Они выехали на главное шоссе города, и машина помчалась в сторону гипермаркета, где Глафира запланировала купить все необходимое для длительного проживания за городом.

– Даша, меня зовут Глафира. Я – помощница Лизы. Я устрою вас в одном тихом месте, где вас никто не сможет найти. За городом. Сейчас мы заедем в магазин и купим продукты и все остальное. Я вижу, что у вас практически нет с собой вещей, ни белья, ничего...

– Мне надзирательница тампоны покупала на свои деньги, мне надо будет ей вернуть... – прошептала Даша, и Глафира, бросив на нее взгляд, увидела, как по щекам ее катятся слезы.

– Вернем! Говорю же: не переживайте! Теперь все позади. Лиза сделает для вас все! Главное, чтобы вы рассказали ей всю правду, тогда будет легче за вас бороться. Все, приехали. Предлагаю вам взять себя в руки и сосредоточиться на покупках. Вы лучше знаете, что вам понадобится. Не стесняйтесь, деньги есть.

Из гипермаркета они вышли, толкая впереди себя тележку, нагруженную всем необходимым. Под конец, когда в нее были уложены продукты, гигиенические средства, белье и немного одежды, Глафира не удержалась и положила два пакета с углем для гриля.

– Все-таки за город едем, можно мясо пожарить на углях...

– Вы действительно считаете, что у меня появится желание есть? Или готовить? – спросила Даша уже в машине.

– Вы поймите, Даша, вам сейчас нужны силы. Я пока еще не совсем в курсе вашего дела, но знаю только одно: Лиза сказала, что вас обвиняют в убийстве соседа, которого вы не убивали.

– Да разве дело только в этом? Кто кого убил... Все это пустое... Ничтожное... Я и тюрьмы не боюсь. У меня вот здесь болит, понимаете? – И Даша осторожно, словно у нее под свитером была рана, положила руку на грудь. – Так болит... Никак не могу смириться с мыслью, что он все забыл, понимаете? Мы же были с ним одним целым, ходили, всегда держась за руки. Мы были невозможно счастливы. Мы пустили друг в друга корни. Я даже и представить себе не могла, что мужчина способен на такую любовь. Я не знала, что такое подушка, потому что всегда спала на его плече, там даже впадинка такая есть, словно специально для моей головы. Мы, ложась спать, складывались в одно целое и засыпали.

Как единый организм. Мы были так счастливы!

Глафира слушала молча, сочувствуя Даше и понимая, что никто ей не поможет справиться с болью от потери любви, кроме нее самой.

– Я скажу дежурную фразу, – проронила Глаша осторожно, – но она такая верная: вам надо это просто пережить. Стиснуть зубы и пережить.

– Да-да, – вздохнула Даша, уставившись в окно, словно там мимо нее с дьявольским свистом пролетали все ее несбывшиеся надежды, призраки большой, придуманной ею же самой любви, черные тени того, что прежде было радостью. – Скажите еще, что время все залечит. Конечно, я понимаю, что, если выживу и не свихнусь, то со временем успокоюсь, просто забуду. Но я же буду страдать до скрежета зубовного. Сколько еще бессонных ночей мне уготовано? Переживу ли я физически эту отраву предательством? Не погибну ли?

– Если доверитесь нам, то переживете. Думаю, что радикальная смена обстановки пойдет вам на пользу. Следственный изолятор еще ни на кого не действовал успокаивающе, согласитесь.

– Хорошо...

– У вас есть дети?

– К сожалению, нет. – Даша помолчала немного, потом сказала как бы в продолжение своих пока еще не озвученных

мыслей: – Она, знаете, выпить любила...

– Это вы о ком?

– О той, с которой у него связь. Такая грубая деваха, простая, матерщинница страшная... Не понимаю, что он в ней нашел. Причем был бы он у нее один! Она же и с Лешей крутила роман, и с Валеркой Зосимовым, соседом нашим... Не удивлюсь, если выяснится, что у нее еще кто-то есть...

– Как получилось, что заподозрили именно вас?

– В квартире Валерки нашли отпечатки моих пальцев. На стакане. Но у нас дома тоже такие стаканы есть. Может, убийца просто взял и поставил их на стол в кухне Валерки. Да такие стаканы есть почти в каждом доме! Обыкновенные такие, прозрачные, толстого стекла. Ну и на ноже – тоже...

– На ноже, которым убили вашего соседа, ваши отпечатки пальцев? Но это уже серьезно...

– Нож мой, честно. Специальный такой нож для резки мяса. Я понятия не имею, как он там оказался!

– А это точно ваш нож?

– Мне показали его, да, это мой нож, но я ничего не сказала. Просто молчала, и все. Но там, понятное дело, полно отпечатков моих пальцев. К тому же дома-то его нет... Точно, мой. И это так противно... Кто-то стаканы наши с моими следами отнес к Валерке, потом нож...

– А вы-то сами что думаете по этому поводу? Кто убил вашего соседа?

– Понятия не имею! Может, кто из друзей Лешиных, не

знаю... У нас часто бывали какие-то знакомые мужа. Некоторые из них знали и Валеру. Я уже мозги сломала, ничего не понимаю. Что я сделала этому человеку, который решил меня подставить?

– А может, это сделала как раз та самая женщина?

– Лариска-то? Может... Я ее не знаю. Видела только, как она к Валерке приходила. Иногда они втроем выпивали – мой муж, Валерка и эта... сука! Теплая такая компания. У меня от всего этого просто голова шла кругом. И когда я спрашивала, как ему не стыдно при жене, которая находится через стенку, проводить вечера в пьяной компании соседа и его подружки, то Леша мне в ответ грубил, говорил, что брак, это, мол, не тюрьма, не каторга. Что он просто отдыхает, расслабляется. Я ему говорю: Леша, ты ведь не был таким, ты был совсем другим. На что он только ухмыляется. А я смотрю на него и думаю: это не мой Леша, не мой... Это какой-то совершенно другой человек. Грубый, распущенный, циничный... Скажите...

– Глафира, – напомнила ей Глаша свое имя.

– Скажите, Глафира, неужели люди действительно способны вот так кардинально меняться?

– К сожалению, да. Но только слабые люди. Так сказал мне один умный человек.

– Ну, уж моего Лешу трудно назвать сильным человеком. Это правда... Знаете, я вот сейчас говорю о нем, и сердце так бьется, бьется...

– Как вы думаете, Даша, кто вас подставил?

– Я не хочу думать, что это Леша... Мне больно, понимаете?

– Все, мы приехали!

Машина въехала в лес и покатила по мягкой, густо устланной хвоей дороге навстречу солнцу, которое дробилось на золотые полосы, освещавшие розоватые стволы сосен. Глафира открыла все окна машины, и в салон ворвался свежий хвойный воздух. Даже Даша как будто встрепенулась, ожила, высунулась в окно и вдохнула большую порцию воздуха.

– Господи, какой воздух!!! Какая красота! И тихо...

Они выехали из леса и оказались в окружении солнечных лужаек, кустов дикой смородины, а прямо перед ними возникла из солнечной дымки избушка, сложенная из выбеленных временем, солнцем и дождями бревен. Покосившийся забор, сломанная калитка, густой мощный бурьян во дворе, высокая молодая березка у самой дороги, пыльные лопухи, одичавшее, с густо переплетенными тонкими ветками вишневое деревце.

И только внимательный взгляд человека, попавшего сюда впервые, мог бы заметить аккуратные, в тон дома, новенькие рамы небольших окошек, сеть электропроводов, тянущихся поверх деревьев к чердаку дома, а также едва заметное мерцание красного огонька спутникового Интернета.

– Вы куда меня привезли? – спросила, нахмурившись, Даша.

– В безопасное место.

– Но здесь же... вообще... Страшно!

– Не страшно. Пойдемте. Во-первых, это с виду домик кажется таким заброшенным, нежилым, чтобы ни у кого не возникало желания там поселиться. Во-вторых, в доме есть хорошо оснащенный всем необходимым погреб, вырытый всего полтора года тому назад. Погреб, куда в случае опасности можно спрятаться. Там есть генератор, который позволит в случае необходимости подпитать электричеством и телефон, и бытовые приборы. В отдельном помещении хранится бензин для этого самого генератора.

– Как интересно... Получается, что работа адвоката заключается не только в устной, так сказать, защите клиента, ну, это когда адвокат защищает своего клиента в зале суда, но и физической?

– Разные бывали случаи, – уклончиво ответила Глафира.

Она подошла к дому, достала ключи и попыталась открыть дверь.

– Странно... – протянула Глафира, внимательно осматривая замок. – Даже ключ засунуть не могу, видите?

Она снова попыталась вставить ключ в скважину, и снова у нее не получилось.

– Кто там? – услышали они мужской голос, и обе замерли

в оцепенении.

Голос показался Глаше знакомым.

– Это я вас хочу спросить, кто вы такой, – сказала Глафира, чтобы мужчина, находящийся по другую сторону двери, мог хорошенько расслышать ее голос.

– Глаша? – услышала она, и от сердца отлегло.

– Дима, это я, открывай, – сказала она, знаком показывая Даше, что все в порядке и нечего бояться. И шепотом добавила: – Это муж Лизы, Дмитрий Гурьев.

В это время дверь распахнулась, и они увидели заспанного, в помятых джинсах и рубашке Гурьева.

– Дима? Что случилось? Ты не сказал Лизе, что будешь здесь... Она думает, что ты в отъезде.

Глаша так растерялась, что не знала, что и сказать. Дмитрий Гурьев, которого она знала, всегда был ухоженным, чисто выбритым и хорошо пахнущим мужчиной, находящимся в хорошей спортивной форме, подтянутым, элегантно одетым. Сейчас же перед ней стоял совершенно другой Гурьев. Расслабленный, запущенный и явно больной.

– Не бойтесь, девушка, – сказал, слабо улыбаясь оробевшей Даше, Дмитрий. – Я муж Елизаветы Сергеевны, и я знаю, зачем вы здесь. Вернее, догадываюсь. Проходите. Глаша, дай мне ключи от машины, я загоню ее в гараж... ну, или в сарай...

Он снова улыбнулся, но улыбка вышла усталой.

– Не нужно, чтобы кто-нибудь видел здесь твою машину. Или вообще чью-либо машину.

– Дима, я сейчас уеду, – сказала Глафира. – В машине пакеты, принеси все сюда. Там продукты...

Он ушел, Глаша с Дашей вошли в дом. Внутри все было просто, но довольно комфортно. Диван, кровать, кресла, кушетки, ковры. Кухня-столовая оснащена стиральной и посудомоечной машинами, имелась целая коллекция полезной бытовой техники.

– Здесь две маленькие спальни, пойдемте, я покажу вам.

– А вода здесь есть?

– Здесь есть все – и душ, и ванна, и горячая вода. Здесь вы сможете прийти в себя и отдохнуть. Лиза позже приедет к вам. Сейчас она занята... Думаю, что к вечеру освободится.

Глафира провела Дашу в маленькую темную, без окон, спальню с удобной деревянной кроватью, включила лампу.

– Я пойду, посмотрю, что там с горячей водой.

– Глафира, но здесь же этот человек...

– Дмитрий. Его зовут Дмитрий Гурьев. – Она перешла на шепот: – Он – известный в городе адвокат. Вероятно, и у него возникли сложности, раз он скрывается здесь. Но сами понимаете, на войне как на войне. Я сейчас все выясню.

Вернулся Гурьев. Опустил тяжелые пакеты на пол. Огля-

нулся в поисках Даши. Развел руками – мол, где?

– Она в спальне. Дима...

И Глафира рассказала ему в двух словах обстоятельства их появления в Бобровке.

– Скверная история. Муж – скотина. Наверняка действовал сообща с любовницей. Ладно, не буду вмешиваться. Но ты объясни этой Даше, что нам придется здесь уживаться вместе. Меня ищут конкретные люди. Я купил билет в Таллин, но вместо себя отправил другого человека. Мне там очень надо было быть... Глаша, у меня действительно неприятности, и я очень, очень не хотел, чтобы Лиза узнала об этом. У нее и без меня проблем полно, я же знаю, она впрягается сразу в несколько дел, выматывает себя, работает на износ. Но она такая, какая есть, и в этом мы с ней похожи.

– Дима, но я не смогу скрыть от нее то, что ты здесь. Ты же понимаешь. Здесь теперь Даша... и ты...

– Хорошо. Тогда скажи, что делать? Думаю, ты хочешь спросить у меня, есть ли горячая вода. Человек из изолятора, бедолага... Воды горячей – сколько хочешь. Бойлер включен. В ванной вы можете найти все – там шкафчик с полотенцами и мылом, шампунями... Здесь же вообще бункер, сама знаешь. Консервы тоже есть, полно, но вот нормальной человеческой еды нет.

– Мы все привезли, я сейчас приготовлю поесть. Даша? – Она поднялась навстречу появившейся в комнате Даше. – Пойдемте, я провожу вас в ванную комнату.

Устроив Дашу, Глафира проинструктировала ее насчет пользования телефоном и засобиралась обратно в город. Что она скажет Лизе? Рассказывать или не рассказывать о Гурьеве? У Лизы сейчас и так голова кругом идет из-за Левы. А тут еще и скрывающийся от кого-то, явно опасного, Дима. Отчаянный человек, такой же, впрочем, как и сама Лиза.

– Дима, так что мне делать? Рано или поздно Лиза же все равно приедет сюда и увидит тебя!

– Значит, расскажи. Объясни ей, что я просто не хотел ее волновать.

– Понятно. Ладно, присмотри здесь за Дашей. Ей нужны отдых и покой.

– Да я уж понял. А у Лизы как дела?

– Ты знаком с Левой Северовым?

– Ну да, это же сын подружки Лизиной матери, Дины Робертовны, если мне не изменяет память.

– Знаешь, в двух словах всего не расскажешь. Скажу одно – их семья в беде. Леву обвиняют в убийстве его партнера по бизнесу, а Гера вообще оставила детей свекрови и исчезла.

– Ничего себе! Я знаю эту семью, это очень хорошие люди. Лева уж точно не способен на убийство, как и Гера... Может, с ней что-то случилось? Может, ее похитили?

– Ничего не известно. Лиза поехала к Леве, он молчит как рыба. Она надеется его разговорить. Возможно, у него шок.

– Молчание Левы и исчезновение Геры как-то связаны

между собой. Это ясно. А это убийство... Понятное дело, что Леву подставили. Возможно, здесь замешан мужчина. Какие-то любовные дела, ревность, месть... Может, у Геры появился поклонник, скажем, женатый... Уф... Ладно, не буду пока вмешиваться во все это. Но если понадобится моя помощь, сами знаете – все мои связи и возможности в вашем распоряжении.

– Хорошо. Спасибо, Дима. Я поеду. Мне нужно связаться с лечащим врачом Геры, кто знает, может, она заболела...

– Я понимаю, о чем ты. Но если бы она была серьезно больна, то Лева наверняка знал бы об этом, они бы сделали все возможное, чтобы спасти ее, скорее всего, лечили бы ее где-нибудь за границей. Словом, боролись бы за ее жизнь. Уверен, что дело в мужчине. Ладно, Глаша, поезжай. За Дашу не переживай, здесь она будет в полной безопасности.

Смешанное чувство любви, нежности, сострадания и жалости, глубокого потрясения и боли испытала Лиза при виде бледного, похожего на большого ребенка Леву.

Их оставили вдвоем в маленькой комнате для допросов. Полумрак превращал декорации этого Богом забытого места в приют отчаяния.

– Лева, господи. – Лиза обняла его, кажущегося бесчувственным, холодным, крепко поцеловала в щеки. – Главное, что ты жив, что с тобой не случилось ничего страшного. А то, что ты здесь, – это нелепость, которая легко исправима.

Ей так хотелось подобрать слова, которые подбодрили бы его, наполнили жизненными силами!

– Где Гера? – спросил он, и она увидела, как его глаза наполняются слезами. Гера была его душой, его жизнью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.